

«ЧЕРНАЯ МЕТКА» ХАРБИНА

МНОГИЕ ПЕЧАЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ БЫЛИ СВЯЗАНЫ С ЭТИМ ГОРОДОМ

ЛЮБАЯ ЭПОХА ПРИНОСИТ ЛЮДЯМ БОЛЬШЕ ГОРЕЧИ И СТРАДАНИЙ, ЧЕМ БЛАГОПОЛУЧИЯ И СЧАСТЬЯ. В ОСОБЕННОСТИ ЕСЛИ ЖИЗНЬ ИДЕТ НА ФОНЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕРЕМЕН. ЯРКИЙ ПРИМЕР ТОМУ - ФОТОГРАФИЯ ИЗ НАШЕГО СЕМЕЙНОГО АРХИВА, СДЕЛАННАЯ ВЕСНОЙ 1928 ГОДА В ХАРБИНЕ. ЗАПЕЧАТЛЕНО СЧАСТЛИВОЕ МГНОВЕНИЕ ЖИЗНИ ЧЕТВЕРЫХ ДЕТЕЙ МИТИНЫХ В ВОЗРАСТЕ ОТ 5 ДО 12 ЛЕТ. МЛАДШАЯ МАРИНА, МОЯ БУДУЩАЯ МАМА, РЯДОМ ЕЕ СЕСТРЫ ВАЛЯ И ЛАРИСА, БРАТ ЮРА. МИЛЫЕ, РОДНЫЕ, СВЕТЛЫЕ ЛИЦА. ОНИ И ВЕДАТЬ НЕ ВЕДАЮТ, ЧТО ВСЕ ТРАГИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ КАЖДОГО ИЗ НИХ БУДУТ СВЯЗАНЫ ИМЕННО С МЕСТОМ РОЖДЕНИЯ.

Строительство Китайско-Восточной железной дороги – КВЖД, было успешно реализованным проектом царского правительства, тогда крупнейшим в мире. В начале XX века был проложен кратчайший путь из Европы в Азию, и по Транссибирской магистрали Россия вышла через Порт-Артур к Желтому морю. Земля на КВЖД была арендована у Китая, а для проживания русских в Северной Маньчжурии выстроен город Харбин как центр управления железной дорогой. Кто бы мог представить, что десятилетия спустя все, связанное с этим городом, станет «черной меткой» для тысяч семей железнодорожных служащих?

Мой дедушка, отец детей на фотографии, был служащим на КВЖД с дореволюционных времен. Всем работникам, от руководителей до простого стрелочника, предоставлялись казенные дома с садами и постройками, хорошее жалованье и множество льгот. Там было «государство в государстве»: своя администрация, полиция, школы для детей сотрудников, только в Харбине более 20, детские сады. В городе было много гимназий, коммерческих и реальных училищ, вузов с высоким уровнем образования. На фотографии старшие девочки - гимназистки, а Юра - ученик реального училища. Рабочий день служащих КВЖД заканчивался в 15 часов, и родители могли много времени проводить в кругу семьи, о чем всегда с благодарностью вспоминали выросшие дети.

Харбин был процветающим городом: европейские магазины, банки, соборы, товары со всего света. Была ключом культурная жизнь: симфонический оркестр, оперные спектакли, свыше 30 русских библиотек. Частые концертные гастроли выдающихся русских, а позднее и советских артистов. Детей организовано вывозили в летние лагеря, зимой действовало множество катков, картинных галерей, работали десятки музыкальных и художественных обществ, проводились балы и благотворительные спектакли. Светлый отпечаток этой благопо-

■ Валентина, Марина, Лариса и Юра Митины.

лучной жизни Харбина сохранился в облике и душе девочек с фотографии на всю жизнь: умение изящно одеваться, подлинная интеллигентность, интерес к искусству. Лариса много лет играла в спектаклях Дома ученых, пела в оперной студии, Марина участвовала в постановках для томских госпиталей, Валентина собирала альбомы репродукций картин.

После революции 1917 года служащие КВЖД и члены их семьи поначалу практически не ощущали роковых перемен. Доходили лишь слабые отголоски, ритм привычной жизни не менялся.

С 1925 года всем, кто хотел и дальше работать в системе КВЖД, надлежало принять либо китайское, либо советское подданство. Семья Митиных, естественно, выбрала Родину. Свидетельство о рождении моей мамы выдано Генеральным консульством СССР в Харбине. Аналогичная запись о месте рождения, увы, сделана в паспортах всех детей.

После оккупации японцами Маньчжурии в 1932 году началась массовая отправка более чем 20 тысяч железнодорожников и членов семей в Россию. Вынужденных переселенцев распределили по железным дорогам Средней Азии, европейской части СССР, Урала и Сибири. Семья Митиных оказалась на станции Куйбышевка-Восточная Амурской области. Несмотря на должность (глава семьи был начальником отдела материального снабжения), всех поселили в тесном неблагоустроенном домишке. Крайне недружелюбно встретило приезжих и местное население. Вслед неслось: «Буржуи недорезанные».

Роковым для «харбинцев» стал 1937 год. По стране уже катился вал репрессий. Не

уцелела и семья Митиных. На глазах моей мамы (на фото вторая слева) 26 ноября 1937 года арестовали отца. Она запомнила недоуменный, прощальный взгляд отца и хруст грампластинок с записями Шалыпина и Собинова под сапогами чекистов. Отца приговорили к 10 годам лагерей с отбыванием срока в Томской области. В тот же день арестовали мою тетю Валентину Митину (крайняя слева на фото), 19-летнюю студентку ТЭМИИТа (Томский электромеханический институт инженеров транспорта, ныне главный корпус ТУСУРа). Днем ранее, 25 ноября, арестовали 17-летнего брата Юрия, который учился на рабфаке института.

Юрия обвинили в контрреволюционной деятельности, поскольку его «завербовал в Харбине белогвардейский офицер». И никаких смягчающих обстоятельств. Даже не учли, что при отъезде из Китая мальчику исполнилось всего 14 лет! Ему вменялось намерение «взорвать вокзал Томск-2 и мост через Ушайку». Юрий был осужден «тройкой» уже через месяц, а в январе 1938 года расстрелян, скорее всего, на Каштачной горе. Валю причислили к шпионско-диверсионной группе, которая по заданию японской разведки намеревалась взорвать электрическую подстанцию во дворе института. И фальсификаторов ничуть не смутило, что такой подстанции вообще не существовало. Решение «тройки»: «участников группы расстрелять, а Валентине Митиной вменить десять лет лагерей».

Освободилась моя тетя 6 ноября 1947 года из лагеря на севере Свердловской области. Неласково встретил ее Томск: прописку не разрешили, в институте не восстановили. Студенным декабрьским вечером на ул.

Красноармейской на тетю Валю напали два грабителя, потребовав снять пальто. «Вы что, своих не узнали? – воскликнула она. – Да я вас сейчас...». И добавила несколько слов из сугубо лагерного лексикона. Тем и спаслась. Оторопевшие грабители посчитали за благо ретироваться. В музее «Следственная тюрьма НКВД», что напротив мэрии, имеется стенд, посвященный харбинцам. Хранятся там воспоминания о лагерной жизни, личные вещи и подневольное рукоделье Валентины Митиной, чью светлую улыбку мы видим на фото 1928 года.

В 1937 году Марина и Лариса с матерью переехали в Томск. Жилось трудно, но выручали швейная машинка и бабушкин талант классной портнихи. Однажды у Ларисы произошла романтическая встреча. Девушку, увлеченно читавшую в поезде, заметил летчик, возвращавшийся к месту службы. Вскоре капитан Степан Дмитриев приехал в Томск, чтобы увезти молодую жену на дальневосточную погранзаставу. Счастье молодых длилось четыре года. С началом войны Лариса вернулась в Томск, где работала на заводе. Мечту о мединституте пришлось оставить. Муж прислал фотографию с надписью «Жди меня, и я вернусь». Увы, не вернулся, погиб в 1942 году, оставив 26-летнюю вдову с сыном. Ныне Виктор Дмитриев, доктор наук, академик, работает в ТПУ. Но тяга к медицине харбинской гимназистки Ларисы передалась следующему поколению. Врачом стала ее внучка Юлия Ковширина, а правнучка Анна - студентка СибГМУ.

Непросто сложилась жизнь и самой маленькой девочки на фото – Марины. Училась в 12-й школе. С выпускным классом ушли гулять за Томь, утром вернулись – война. Окончила курсы сандружинниц, но на фронт не взяла из-за репрессированных родителей. Училась в ТГУ, заготавливала для города дрова, работала на колхозных полях, провела сотни бессонных ночей в госпиталях, ухаживая за ранеными. Когда пришел День Победы, сажала деревья на площади Революции, ныне Новособорной. Вскоре вышла замуж за фронтовика-артиллериста Бориса Сесюнина и стала моей мамой. Защитила диссертацию по истории, много лет проработала с мужем в ТПИ.

...Снова и снова смотрю на фото 87-летней давности, такое до боли знакомое с детства. Какие прекрасные лица! Какой светлой стороной открывалась им жизнь, и что в реальности уготовила судьба. Особенно Юрию. Господи, как же тяжело было ему умирать в расцвете лет! Колесо харбинской судьбы тяжким катком прошлось по жизням тысяч наших соотечественников. А судьбы четверых детей на фотографии - это малая часть той большой трагедии нашей страны, которая никогда не должна повториться.

Ирина СЕСЮНИНА.